

Макрушина И.В. ©

Доцент, канд. филол. наук, кафедра русской и зарубежной литературы,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭСХАТОЛОГИИ М. АЛДАНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «НАЧАЛО КОНЦА»)

Аннотация

В статье выявляется скепτικο-пессимистическая тональность художественной историософии М. Алданова в романе «Начало конца». Апокалиптическое мироощущение писателя, выступавшего против теории прогресса, навеяно общественно-политическими реалиями и духовно-нравственным климатом в Европе и СССР в 30-е гг. XX столетия – эпоху начала «заката» цивилизации и культуры.

Ключевые слова: пессимизм, скептицизм, эсхатология, катастрофизм, экзистенциальная проблематика.

Keywords: pessimism, skepticism, eschatology, catastrophe, the existential problems.

Марк Алданов (1886–1957) – выдающийся исторический прозаик, занимающий видное место в литературной жизни русского зарубежья первой волны. Самая значимая часть его обширного наследия представлена исторической серией о прошлом и современности, состоящей из 16 романов и повестей, связанных между собой общностью идейно-концептуальных построений и художественных решений. Этот прозаический цикл, охватывающий почти два столетия русской и европейской истории (XVIII–XX вв.), Алданов создавал всю свою жизнь, начав его в 1921 году небольшим по объему произведением «Святая Елена, маленький остров» и завершив в 1956 году романом «Самоубийство».

Высоко оценённый критиками роман «Начало конца» (1936–1940) был закончен накануне Второй мировой войны. Герои Алданова не только наблюдают упадок нравов в 30-е годы XX столетия – эпоху «начала конца», но и напряжённо размышляют о его причинах. В СССР окончательно установился советский режим, в Берлине маршировали гитлеровские солдаты, в Италии пришёл к власти дуче. В эпоху господства тоталитарных идеологий и демократий, выродившихся в условиях несвободы и фальшивой морали, писатель изображает трёх героев, каждый из которых переживает своё собственное «начало конца»: сделавшего блестящую карьеру советского посла Кангарова, который в итоге предстаёт жалким, одиноким стариком, терзаемым страхом разоблачения (бывший меньшевик Кангаров боится сталинских репрессий: «... подать в отставку, стать невозвращенцем» [2, № 8, 65]); советского командарма Тамарина, в прошлом генерала царской армии, когда-то ошибочно уверовавшего в то, что России можно служить при любом режиме; профессионального революционера, члена Коминтерна Вислиценуса, который на пороге смерти приходит к пониманию того, что истоки злодеяний Сталина – в ленинских идеях, утверждавших оправданность насилия и ненависти.

Как отмечает В.В. Заманская, проза экзистенциальной направленности показывает мир и человека в состоянии кризиса, ей свойственно предчувствие начала конца [6, 14]. Катастрофизмом исторического развития в первой половине XX столетия обусловлен вновь обострившийся интерес писателей и философов к извечным вопросам человеческого существования, его духовно-нравственного бытия. Одной из глобальных экзистенциальных проблем в истории духовной культуры является тема смерти. Перед человеком от начала мира встает череда вопросов, ответа на которые не знает никто. Как должно жить на земле ему, сознающему свою конечность? За что смерть? Почему так ужасна? Как встретить ее и примириться с ней? Писатель заморожен концом земного бытия человека: «Мы все приговорены к смерти, и наша казнь только отсрочена» [1, 78]. Роман Алданова «Начало

конца» пересыщен атмосферой всеобщей гибельности, прозаик вновь и вновь возвращается к изложению новой истории умирания, к мыслям о неизбежности конца.

В тревожном мире, сотрясаемом катаклизмами, герои «Начала конца» на закате лет размышляют о смерти. Каждый из них обременен собственным опытом разочарований и потерь. Тяжело больной Вислиценус мучительно ждет конца во время каждого очередного припадка, отзывающегося в нем режущей, пронзительной болью. Командарм Тамарин, пребывая в период испанской Гражданской войны (1936–1939 гг.) в Мадриде, во время бомбардировок замирает от любого взрыва в ожидании гибели. Крупный французский писатель-гуманист Вермандуа, сознающий свою прочную связь с веком XIX, веком культуры, размышляя о близости смерти, надеется умереть, не дождавшись «Реквиема» французской культуры и человеческой цивилизации в целом. Смерть витает на страницах романа, цинично подмигивая героям, словно предлагая «сыграть в ящик», – грубый, дощатый ящик постоянно мелькает в воображении Вислиценуса. Или вдруг отзовется болью сердце Тамарина, вспоминаящего прошлое, от которого в настоящем осталось только кладбище из людей, когда-то бывших близкими; «...о старых товарищах, расстрелянных в сталинской Москве, теперь уже гнивших в безвестной могиле», помнит и Вислиценус.

Воссоздаваемые события интересуют писателя в плане проекции его философских взглядов на ход истории и природу человека. Отбор исторических фактов и их художественная интерпретация подчинены некой историософской концепции. «Философизация» истории осуществляется в романах и повестях Алданова прежде всего в обобщающих и разъясняющих комментариях автора-повествователя, благодаря прямой историософской направленности внутренних монологов и диалогов героев-резонеров, а также важности их композиционной роли в идейно-художественной структуре произведений, включающих в себя элементы научного исследования, публицистики, историко-философского трактата [9, 18–19]. Для Алданова важна не только изображаемая историческая реальность как таковая, но и связь событий во времени, их архетипическое сходство, а также люди, одинаковые во все времена, действующие, размышляющие, страдающие. В рамках такого подхода к осмыслению действительности прошлое и современность не противопоставляются друг другу, а рассматриваются как звенья единой исторической цепи.

«Художественная философия истории» – некая «творческая» категория, формируемая на основе конкретного исторического материала индивидуальным сознанием писателя, опирающегося на достижения современной науки (истории, философии истории, историографии, социологии, психологии, антропологии, физики, астрономии и др.), и под влиянием идей определенного философского направления.

Представление Алданова о мире, «вечно лежащем во зле», созвучно Шопенгауэру, являющемуся одной из «...важнейших вех», через которые в недрах века XIX «зрел» катастрофический XX век, его обреченное и трагическое сознание» [7, 71]. Считается, что немецкий философ, наряду с английским поэтом Колриджем стал автором термина «пессимизм» (от лат. *pessimus*, т.е. наихудший): «Наш мир – худший из возможных миров. Если бы в подтверждение этого своего взгляда я захотел бы привести изречения великих умов всех времен во враждебном оптимизму духе, то цитатам не было бы конца» [11, 20]. Излюбленный тип героя-резонера у Алданова – философствующий скептик, который не может себе представить другого понимания жизни, кроме пессимистического.

Пророчества Алданова о близящемся конце мира навеяны двумя мировыми войнами, разразившимися в Европе в первой половине XX века, и русской революцией. Однако пессимизм писателя, безнадежная мрачность его скептического мировоззрения не только навеяны катастрофическими событиями в мире, современником которых ему довелось быть, но и являют собой скорбный результат анализа сходных исторических фактов, имевших место в разные эпохи в разных странах. Иронический скепсис – закономерная реакция писателя на извечное недомыслие человечества в истории, нечистоплотность политиков. Подобный взгляд на историческую судьбу человечества отчасти объясняется и природной склонностью Алданова, мыслителя и человека, к пессимизму (а также, возможно, передает мироощущение эмигранта, «затерянного на чужбине»). Писатель постигает сумрачную, трагическую сторону

бытия: «Знаю, что меня бранят за мрачность. Казалось бы, чего... романисту, пишущему в самую безотрадную эпоху истории о другой эпохе, тоже не слишком весёлой, быть настроенным «бодро»?» (28 апреля, 1927) [10, 545].

Алданов как мыслитель наследует и традиции скептического философствования, черпая интеллектуальное вдохновение из величественной и скорбной Книги Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Екк. – I, 9). Философия истории писателя в духе скептицизма противится идее исторического прогресса, предполагающей поступательное совершенствование человеческого рода. Теория прогресса родилась из отрицания христианской эсхатологии. Вместо религиозных надежд на «блаженство в мире ином», мысль о прогрессе настраивала людей на земное счастье в будущем. Идея прогресса особенно укрепилась в эпоху Просвещения и в философии истории последующих столетий. Европейские мыслители уверовали в абсолютную мощь разума, якобы способного указать универсальный путь общественного развития. Вновь задуматься о ходе истории приходится в XX столетии: диспропорция между развитием науки, техники, материальным богатством человечества, с одной стороны, и несовершенством социального устройства общества и уровнем его нравственности и духовной культуры, с другой, поставили под сомнение линейно-прогрессистскую теорию: «человечество идет назад, несмотря на технический прогресс, или, вернее, вследствие технического прогресса» (Из размышлений Вермандуа) [2, №11, 41]. В романе «Начало конца» Алданов вкладывает в уста своего героя-резонера следующую аргументацию против теории прогресса: «В течение многих веков человечество терпеливо сносило полновластное царство зла, потому что смотрело на земную жизнь лишь как на временное, очень несчастное состояние перед переходом к вечному блаженству. Вера эта стала отпадать сто или, быть может, двести лет тому назад, и ее наспех, неполно, неумело, неудачно заменили учением о прогрессе... теперь, с 1914 года, это учение оказалось совершенно несостоятельным: мир... возвращается к состоянию исконного варварства» (Вермандуа) [2, № 7, 35].

Писатель, отвергавший возможность справедливого общественного устройства, через своего героя проводит мысль об относительной ценности любого учреждения, любой формы правления: «Народовластие дает не больше гарантий нормальной человеческой жизни, чем умеренная монархия и чем сколько-нибудь культурная диктатура... в демократиях и в диктатурах естественный отбор приводит к власти людей хитрых и бессовестных» (Вермандуа в беседе с Серизье) [2, № 12, 78]. Пестрота и мозаичность режимов власти, быстро сменяющих друг друга, подобна, по мысли Алданова, узорам в калейдоскопе, где мы при каждом повороте видим что-нибудь другое, хотя все время имеем перед глазами одно и то же.

Во все кризисные периоды исторического развития находились художники и мыслители в разных странах, которых посещало смутное или определённое сознание близящегося конца мира: «вся н а с т о я щ а я литература, церковная и светская, художественная и философская, всё вообще, над чем три тысячи лет думают умнейшие из людей, это эсхатология в самом подлинном и достаточно страшном смысле» (Вермандуа) [2, № 8, 87] (разрядка автора). Русской философской мысли присуще ощущение неизбежного несовершенства бытия, эсхатологическое ожидание «конца истории». Главными выразителями этих апокалиптических настроений можно считать К. Леонтьева, В. Соловьёва, Н. Бердяева [9, 42]. «Смысл истории, – писал Н. Бердяев, – лежит за её пределами и предполагает её конец... Поэтому настоящая философия истории есть эсхатологическая, есть понимание исторического процесса в свете конца» [5, 286]. Творческий эсхатологизм Бердяева проникнут призывом к преображению мира. По мысли Алданова, и «соловьёвская с ч а с т л и в а я эсхатология – история кончится Царством Божиим – лишь очень далёкая, слишком далёкая и ...ничем не оправданная экстраполяция ...идеи «Красоты-Добра» [3, 371] (разрядка автора). Писателю ближе апокалиптические предвидения К. Леонтьева, которого он считал одним из самых оригинальных русских философов XIX века. Эсхатологизм этого мыслителя носит отрицательный характер. Его философия истории говорит о неотвратимости наступления дряхлости всех обществ, государств и цивилизаций (мир идёт к уродливому упростительному смешению). К. Леонтьев писал: «Идея прогресса (или улучшения жизни для всех)... выдумка

нашего времени; она есть не что иное, как ложный продукт демократического разрушения старых европейских обществ» [8, 292]. Индустриально-бюргерский прогресс, фатальный, по мысли философа, ведёт народы в пропасть бездуховного уравниательства. Человечество на свою погибель борется против всякого деспотизма во имя равенства и справедливости: ослабление государственного могущества, считал Леонтьев, грозит гибелью культуре. Философ не жаждал «...всеобщего спасения ...не был устремлён к преобразению человечества и мира...» [4, 196], он думал «...не о страждущем ... а о поэтическом человечестве» [4, 91], – писал о нём Н. Бердяев. По мысли Алданова, «... в эсхатологии ... «эстетика» К. Леонтьев был гораздо более прав, чем в чём бы то ни было другом. Действительно, «в недифференцированном обществе искусство может ждать печальная участь» [3, 375]. Писатель сознаёт неотвратимость «заката» старой культуры. Жизнь становится прозаичной и бесцветной. Цивилизация сбывает изящное, поэтическое, подлинно прекрасное в музеи и на страницы книг. Алдановские герои «Начала конца» испытывают ностальгию по «цветущей сложности». Устами Вермандуа писатель выражает сожаление о переставшей существовать монархической Европе: «По крайней мере это красиво, красиво той красотой, какой при другом строе быть не может... При Людовике XIV были Расин и Мольер, королевский строй не помешал появлению Декарта и Паскаля, – их у Сталина и... Гитлера не видно» [2, № 12, 101].

Вселенская гибельность и мировой распад определяют духовный климат в «Начале конца»: люди испытывают страх, подавленность и взаимное отчуждение. Подобный авторский пессимизм представляется глубоко обоснованным в социально-политических условиях 30-х годов XX века (в эпоху сталинизма и фашизма). По мысли Алданова, злодеяния тоталитарных режимов берут истоки в ленинских идеях, утверждавших допустимость насилия. Нацистская Германия усвоила из опыта сталинской России «прививку» общественной ненависти, заменив классовую национальной. В романе «Начало конца» Вислиценус размышляет об этом, проводя аналогии между коммунизмом и фашизмом: «Мы думали, что во всяком человеческом обществе нам удастся поднять миллион бедных против десяти тысяч богатых. Оказалось, что так же легко поднять миллион против миллиона по другому признаку, выкинув иную приманку, бросив иной клич... Мы убеждали немца-рабочего считать себя солью земли, так как он рабочий. Теперь он сошел с ума... оттого, что... немец. И если их «философия» также дает людям счастье, то какие, собственно, основания предпочитать нашу?» [2, № 8, 62-63]. Результатами торжества «философии конюшни», дающей одинаковое «счастье» ее обитателям, стали уничтожение личного бытия, атрофия свободного духовного начала, забвение общечеловеческих ценностей.

Алданов подводит картины современной ему действительности под формулы и предсказания Апокалипсиса: «Солнца уже не было. Догорал закат» [2, № 8, 76]. О «закате» истории, вступившей в период социальных революций и катастроф, размышляет Вермандуа, цитируя библейских пророков о предстоящей конвульсии мира, «...издыхающего тела, которое перед смертным часом грызут неизлечимые болезни» [2, № 8, 87]. Влекомый ко всеобщей гибели мир привыкает ко злу: «чёрт делает, что может, он на прямом пути к всемогуществу» [2, № 11, 53]. Роман «Начало конца» изобилует мрачными предсказаниями, цитируются: евангелие от Матфея, Ницше, пророк Исаия: «Войте, ибо близок день Господень. Почти всё будет истреблено. Воздам вселенной за зло её, и будет человек реже золота, и задрожит земля...» [2, № 8, 86-87]. Скорбными литературными строками озвучена жизнь алдановских героев: «Всё в мире мёртво, померкнул свет, и больше надежд и желаний нет» (Ф. Шиллер «Пикколомини»); «Он сказал мне: «Будь покоен, / Скоро, скоро удостоен / Будешь царствия небес. / Скоро странствию земному / Твоему придёт конец. / Уж готовит ангел смерти / Для тебя святой венец...» (А. Пушкин «Родрик») [2, № 12, 57].

В романе царит напряжённая атмосфера «начала конца». Зрелище испанского города, представшее взору Тамарина, передаёт состояние всеобщей гибельности. Что-то символичное было в огромной луне, бросавшей зловещий отсвет на Мадрид, который погибал в огне бессмысленной войны. Адские всполохи от горящих зданий казались ещё более ошеломляющими, освещённые кроваво-красной луной, которая безумным, чумным шаром висела над миром, словно предвещая страшные испытания, в которые человечество будет

ввергнуто (Вторую мировую войну). Горящий город символизирует мир накануне гибели. Предчувствие конца как бы «разлито» в воздухе: конца нравственности, духовности, конца культуры, цивилизации.

Алданов использует с и м в о л и к у с н о в, становящихся знаменами. Под «символом» мы понимаем некий образ, являющийся ёмким средоточием и обобщением авторской идеи, художественно претворённой. Символичен сон Альверы, развивающий тему «начала конца»: «В далёкой древней стране пастушок поссорился с солнцем, и солнце решило ему отомстить, и ввело закон, приятный для него и для потомства пастушка: здоровая, крепкая и весёлая молодёжь» [2, № 8, 58], то есть пустая и способная только к потреблению. Опошлившееся, вырождающееся человечество навсегда поссорилось с солнцем, потопив прежние духовные ценности в жестокости и насилии восторжествовавшего варварства. Тяжелы последствия такого отступничества: «Солнце мстило пастушку. И он играл на свирели что-то очень страшное» [2, № 8, 58].

Вермандуа принадлежит мысль о том, что «...по миру разливается волна дикости и невежества» [2, № 7, 28]. Он ощущает себя окружённым дикарями: «По улицам, с наступлением ночи, уже бродят всякие тёмные, таинственные, страшные люди и замышляют ужасные преступления» [2, № 8, 78]. Характерна в романе «Начало конца» сцена суда над Альверой – умником-одиночкой, не признающим над собой никакие моральные установления. Героя судят за убийство его работодателя, старика-француза, для которого он переписывал бумаги. Молодой человек совершил преступление ради денег и чтобы доказать всем, что он способен на «идеальное убийство». Альвера страдает наследственным сифилисом, который постепенно разрушает его мозг. Судебный процесс над героем оборачивается зловещей комедией. Пресыщенная полупьяная публика, жаждущая крови, разочарована преступником – так «...на боях быков неинтересного быка встречают свистом» [2, № 11, 45] – и потому тяготится представлением. Человека с помутившимся рассудком (Альверу) она презирает за то, что он вяло, недостоверно играет сумасшествие. Процесс суда являет собой дешёвый, безобразный фарс, страшный и безжалостный по отношению к его жертве. Возбуждённой толпе не хватает оживления, зрелищности, грубых сенсаций, захватывающих инцидентов. По мысли писателя, все общественные институты в странах с демократической формой правления, прежде казавшиеся достижением цивилизации, постепенно деградировали, превратившись в костные, корыстные, равнодушные по отношению к человеку механизмы.

Итак, мы выявили скептико-пессимистическую тональность художественной историософии М. Алданова в романе «Начало конца». Апокалиптическое мироощущение писателя, выступавшего против теории прогресса, навеяно историческими потрясениями в мире в первой трети XX столетия, общественно-политическими реалиями и духовно-нравственным климатом в Европе и СССР в 1930-е годы – эпоху начала «заката» цивилизации и культуры. Вселенская гибельность и мировой распад определяют атмосферу в романе «Начало конца». Алданов обличает социальную и духовно-нравственную порчу, разъедающую общество в целом. Вслед за О. Шпенглером капитализм и социализм представляются писателю «одинаково заражёнными духом пошлого зла» («Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории»). В Европе в условиях выродившихся демократий, опирающихся на бюрократические механизмы, с одной стороны, и усиления тоталитарной власти в Германии и СССР, с другой, существование свободной личности поставлено под угрозу. Усреднённый, обезличенный «человек массы» (демократическое преобразование старых европейских обществ приводит к уравнительному упрощению жизни) превращается в объект манипулирования со стороны государства-«молоха». Обратной стороной технического прогресса, породившего культ потребления и ориентированного на обеспечение комфорта в материальной жизни, становятся холодный практицизм и нравственно-духовное оскудение. Такова реакция писателя на гибельный ход современной ему истории.

Литература

1. Алданов М.А. Загадка Толстого // Алданов М.А. Собрание сочинений: в 6-и т.– М.: Новости, 1996. – Т.6. – С.19–140.
2. Алданов М.А. Начало конца // Октябрь. – 1993. – № 7, 8, 11, 12.

3. Алданов М.А. Ульмская ночь: Философия случая // Алданов М.А. Собрание сочинений: в 6-и т. – М.: Новости, 1996. – Т.6. – С.141–438.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2004. – 616 с.
5. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.
6. Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1997. – 34 с.
7. Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 408 с.
8. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). – М.: Республика, 1996. – 799 с.
9. Макрушина И.В. Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика. – Уфа: Гилем, 2004. – 186 с.
10. «Парижский философ из русских евреев»: Письма М.А. Алданова к А. Амфитеатрову / Публ. Э. Гарэтто и А. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. – СПб.: Феникс, 1997. – С. 539–621.
11. Шопенгауэр А. Под завесой истины: Сборник произведений. – Симферополь: Реноме, 1998. – 496 с.